

Холмы к югу от Янцзы утопали в густом тумане. Среди вершин, окутанных белесой дымкой, звенели птичьи голоса и разливалось благоухание цветов — здесь царила вечная весна.

— Долина Забвения Забот... — прошептал я, поднимаясь с земли. — Говорят, здешние красоты исцеляют от тысячи печалей. Жаль только, что ненависть им не под силу.

Я отряхнул одежду от налипшей травы и, бросив взгляд на тонущее в закате солнце, направился к одинокой хижине в глубине долины.

Прошло уже три года с тех пор, как я оказался в этом месте. Сделав первый шаг в долину, я и впрямь подумал, что попал в рай на земле. Подобное великолепие редко встретишь в мире смертных, однако безмятежность таила в себе опасность — она усыпляла волю. Будь я тем маленьким Оуян Сянфэном, каким он был прежде, я бы, наверное, со временем забыл о кровавом долге, что выжиг клеймо на моей душе.

Жизнь в древности оказалась суровым испытанием. Для растопки печи приходилось рубить дрова, для стирки — использовать мыльные бобы, а после мытья головы длинные волосы сохли мучительно долго — без фена-то. С наступлением темноты зажигались масляные лампы с крошечным, как горошина, фитильком; в лучшем случае — свечи. Куда им до электрического света. Постепенно я привык и к этому, и к труду от зари до зари. Да и какая была альтернатива? Останься я в лесной чаще после заката, то и с факелом не нашел бы дорогу домой.

Дни складывались в месяцы, а человек, заменивший мне Цинь Хао, исправно исполнял свой долг наставника. Так незаметно пролетело три года.

Юйвэнь Му и впрямь оказался безупречным учителем. Стихи и оды, каллиграфия и живопись, игра на цине и вэйци, астрономия, география, оккультные науки и даже искусство управления государством — не было ничего, в чем бы он не смыслил. Он обучал меня всему понемногу. Поначалу я бунтовал, считая стихи и картины пустой тратой времени, лишенной практического смысла. Но наставник не гневался, лишь терпеливо вразумлял меня. Когда я отказывался слушать, он продолжал мягко увещевать, не теряя своего ангельского спокойствия и кроткой улыбки. Трудно было представить, что в этом утонченном благородном муже кроется такая поразительная настойчивость. В конце концов, устав от споров и собственных криков, я сдался: Юйвэнь Му просто переждал вспышку моего гнева, а затем мы возвращались к занятиям.

Спустя несколько месяцев я прекратил сопротивление. Если я не научусь владеть собой сейчас, то как смогу свершить месть? Раз уж он хочет учить — что ж, я впитаю эти знания. Так я освоил множество вещей, порой казавшихся странными, но было кое-что, в чем он упорно мне отказывал.

— Снова упражнялся? — спросил он, встречая меня у порога.

Он смотрел с нежностью, но в его глубоком темном взгляде застыло вечное, неизменное

сострадание.

Юйвэнь Му утверждал, что из-за преждевременного рождения мои кости не окрепли и я не приспособлен к боевым искусствам. К тому же тяжелая болезнь в трехлетнем возрасте повредила меридианы ци, а значит, любые серьезные нагрузки на суставы и мышцы мне заказаны. Даже при должном усердии я никогда не добьюсь успеха.

Вероятно, именно поэтому Оуян Сянфэн, рожденный в семье полководца, рос за высокими стенами, корпя над канонами, пока его старший брат тренировался с мечом.

Но я не сдавался. Каждое утро и после уроков я уходил туда, где Юйвэнь Му не мог меня найти, и продолжал тренировки. Пусть я не стану мастером, но закалить тело мне под силу. Я не желал превращаться в немощного книжника, чья голова полна мудрости, а руки не способны поднять и курицы. В минуту опасности такой человек — лишь обуза для самого себя. Для исполнения моего плана слабость была недопустима.

— Иди умойся, пора обедать, — негромко вздохнул он и скрылся на кухне.

Несмотря на мои капризы и упрямство, каждый вечер он готовил для меня горячую воду с целебными травами. Эта молчаливая забота заставляла старую рану в моей груди болезненно ныть.

Юйвэнь Му часто вздыхал. Моя строптивость причиняла ему боль, и я это видел. Мне хотелось сказать ему: "Не трать свои чувства на такого, как я. Мне не нужна жалость — мне нужна суровая плеть".

Но слова застревали в горле. Его нежность была единственным теплым светом в моей новой жизни. Если я оттолкну его, не разобьется ли его сердце?

А я не хотел, чтобы он страдал. В его мире не должно быть места для тех, кто обречен кануть во тьму.

За ужином подали только постные блюда. Улыбнувшись, наставник сообщил, что сегодня ночью мы займемся гаданием.

Это было еще одной дисциплиной, которой он меня обучал. Наблюдение за звездами, расчет судеб мира по движению светил, предсказания по водной глади... Когда мы только начали, я в открытую называл это чепухой. Положение звезд меняется в зависимости от сезона, но общая картина неизменна, а уж видеть грядущее в ряби на воде — и вовсе нелепость.

— Все эти штуковины и в подметки не годятся гаданию по Багуа! — в сердцах выпалил я, закоренелый атеист.

Юйвэнь Му сменился в лице и спросил, что это за "Багуа" такое. Пришлось нарезать соломинок разной длины и продемонстрировать ему основы. В прошлой жизни я увлекался литературой и «Книгой Перемен», а от скуки порой набрасывал гексаграммы. Однокашники даже шутили, что мне пора открывать лавочку у моста и лишать работы местных лже-прорицателей. Горькая ирония: я просчитал сотни чужих судеб, но не смог предвидеть собственного краха.

Увидев восторг в глазах Юйвэнь Му, я понял, что снова свалил дурака. Разумеется, он тут же начал донимать меня просьбами научить его этой технике. Сначала я прикидывался простачком, но его кроткая настойчивость и бесконечные расспросы взяли измором.

Я совершил и другие оплошности. Как-то раз, во время урока музыки, я случайно исполнил «Мелодию Гуанлин», которую когда-то заставляла учить мать. Наставник услышал это и заставил записать партитуру. Позже я имел неосторожность сыграть «Высокие горы и текучие воды» — он замер, словно увидел чудо. С тех пор он перестал принуждать меня к скучным гаммам, зато начал требовать, чтобы я сам сочинял музыку.

Несмотря на досаду от собственной неосторожности, я не мог остаться равнодушным, глядя на него. Когда Юйвэнь Му с детским любопытством расспрашивал меня о чем-то новом, он казался таким чистым и искренним... Я хотел видеть его именно таким, а не печальным.

Долина Забвения Забот. Неужели небожитель, живущий здесь, должен томиться в грусти?

Я не тот человек, который должен быть рядом с ним. Выходец из бездны, пропитанный холодом теней, идущий к своей мрачной цели — мне не место подле него.

Поздней осенью ночи приносят с собой первый иней и кусачую прохладу. Мы с Юйвэнь Му подготовили место для ритуала на возвышенности неподалеку от хижины. Землю окропили чистой водой, расстелили белое полотно и поставили на него низкий столик из красного дерева. Курильница с сандалом, букет хризантем и шкатулка с рисовыми стеблями — все было готово.

Мы опустились на колени, ожидая. Вокруг нас мерцало кольцо белых свечей.

Я никогда прежде не видел столь торжественных приготовлений. Обычно мы ограничивались омовением и скромным гаданием в доме. Но Юйвэнь Му сказал, что сегодня все должно быть иначе. Под открытым небом, где Вселенная служит храмом, а земля — алтарем, можно уловить подлинное дыхание мироздания.

— И что же это за повод, требующий таких церемоний? — спросил я.

Он ответил просто: "Сегодня к нам явится благородный гость".

— Гость? Мы готовим гадание для кого-то другого?

За три года никто не забредал в эти края. Наставник не покидал долину, и мы не получали вестей с голубиной почтой. Кто мог найти путь в это забытое богом место? И кого Юйвэнь Му чувствует как "благородного гостя"?

Он промолчал, чем только разжег моё любопытство. В этом он меня переиграл. Наставник знал: я привык держать всё под контролем и неизвестность выводит меня из равновесия. Напустив туману, он заставил меня насторожиться — теперь, когда гость появится, я буду впиваться в него взглядом, пытаюсь разгадать тайну.

Я бросил на Юйвэнь Му недовольный взгляд, но тот лишь безмятежно улыбнулся. За три года я сотни раз пытался вывести его из себя, но всякий раз терпел поражение, чувствуя себя неразумным ребенком. Его лицо, то сострадательное, то лучащееся мягким светом, вызывало у меня яростное желание... нет, не ударить, но встряхнуть его. И в то же время я боялся даже коснуться его лишней раз — он казался слишком хрупким.

Хотя в глубине души я понимал: этот человек — кремень, и духом, и телом.

— Входит в долину, — произнес он вдруг, открыв глаза. Выражение его лица стало непривычно серьезным. Моё любопытство взлетело до небес. Неужели в мире есть кто-то, способный заставить Юйвэнь Му так напрячься?

— Скоро ты всё узнаешь.

Опять этот вид всезнайки.

"Неужто мнишь себя истинным пророком? Я ведь даже рта не раскрыл", — проворчал я про себя, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Он читал мои мысли как открытую книгу.

Это была моя слабость. Если я так легко позволяю видеть себя насквозь, то как же я собираюсь...

Я глубоко вдохнул, заставляя себя успокоиться. Что со мной происходит? Почему рядом с ним я теряю самообладание? Это дурной знак.

Я отвернулся и увидел, как Юйвэнь Му вглядывается в ночную чащу леса. Он посмотрел с каким-то странным, лихорадочным блеском. Я вздрогнул. За три года я ни разу не видел его таким. Что это за человек, чье приближение вызывает в моем наставнике подобный трепет? Внутри натянулась невидимая струна, предупреждая: с этим гостем в мою жизнь придет беда.

Внезапно Юйвэнь Му встал и приветливо улыбнулся темноте. Из теней лесной тропы медленно соткался силуэт. В неверном свете свечей я увидел мужчину в черном. Его наряд не слепил роскошью, но безупречный крой и дорогая ткань выдавали высокое положение владельца.

— Чэньцзюнь приветствует учителя.

Пришедший почтительно поклонился. Стало быть, это его ученик? А раз я тоже официально признал Юйвэнь Му наставником, то этот человек — мой "собрат"?

Я прищурился, оценивающе оглядывая незваного "старшего брата". Он был на полголовы выше Юйвэнь Му — а в наставнике было не меньше ста семидесяти пяти сантиметров. Выходит, в этом человеке за метр восемьдесят? Несмотря на рост, он не выглядел грузным — скорее, поджарым и стремительным. В его походке чувствовалась львиная сила, в движениях — небрежное изящество. Если и лицо его было под стать осанке, то перед нами был идеальный образчик благородного мужа.

Почему я сказал "если"? Пока Юйвэнь Му и его гость обменивались любезностями, я всё так же сидел на земле и мог лишь задирать голову, не видя лица пришельца.

— Цинмин, почему ты не приветствуешь своего старшего брата? — в голосе Юйвэнь Му прорезались строгие нотки.

Где-то глубоко внутри ворохнулось неприятное чувство. Наставник назвал меня "Цинмин" — очевидно, чтобы этот человек не нашел и тени связи с тем Оуян Сянфэном, что погиб три года назад. Отныне старое имя стерто. Есть только Цинмин.

Я даже не поднял головы. Продолжая смотреть в пустоту перед собой, я произнес лениво и безучастно:

— У старшего брата отменный вкус. Шататься в такой час в черном... Смотрите, как бы на вас кто не налетел в потемках.

— Цинмин! Прояви уважение к старшему!

Уважение? Раньше ты и слова не говорил на мои выходки, а теперь требуешь почтения к какому-то выскочке.

Похоже, этот "братец" — птица высокого полета, раз даже наставник перед ним заискивает.

— Учитель, полно... — Гость прервал нотацию Юйвэнь Му и опустился на колени напротив меня.

Я поднял взгляд и столкнулся с его глазами. Он удивленно расширил узкие "фениксовые" глаза, полные лукавства и скрытой мощи, будто нашел редкую диковину. В их глубине отразилось моё лицо, искаженное холодной усмешкой.

Присмотревшись, я понял: если не считать этих выразительных глаз, лицо гостя было самым заурядным. Обычный нос, обычный рот — из тех лиц, что мгновенно теряются в толпе. Волосы аккуратно собраны, одежда застегнута на все пуговицы. Я снова усмехнулся про себя, и мой взгляд стал еще ледянее.

Пока он бесцеремонно разглядывал меня, я платил ему той же монетой. В момент, когда он, казалось, окончательно утратил бдительность, я бросил:

— Ну что, старший брат, налюбовались?

Он опешил, но тут же широко улыбнулся. За моей спиной раздался тяжелый вздох Юйвэнь Му. Наставник сел рядом и мягко произнес:

— Цинмин, не паясничай.

Я проигнорировал его, отвернувшись. Каждое слово их беседы отдавалось во мне раздражением. Эта доверительная интонация, с которой Юйвэнь Му говорил с пришельцем... Тьфу. Какое мне дело? Глупости всё это.

— Ничего страшного, — ответил гость Юйвэнь Му, а затем перевел взгляд на меня. — Учитель, и где вы только раздобыли такого очаровательного, кусачего котенка?

"Котенок", значит? А себя ты, верно, мнишь тигром? Извини, дешевые провокации на меня не действуют.

Юйвэнь Му не стал отвечать на эту колкость, сразу перейдя к делу:

— Чэньцзюнь, зачем ты здесь?

— К чему спрашивать, если учитель и так всё знает? — Он улыбнулся с высокомерием человека, привыкшего держать весь мир в своей горсти. Эта спесь была в нем столь естественной, что не казалась позерством.

Я окончательно убедился, что передо мной особа непростая, и еще больше замкнулся.

— Я пришел за предсказанием. В моей душе поселились сомнения, и только ваш совет может их развеять.

Юйвэнь Му тепло улыбнулся:

— Я знал, зачем ты придешь. Но сегодня гадать для тебя буду не я, а твой младший брат.

Он выглядел изумленным. Он уставился на меня с нескрываемым интересом. Я бросил колючий взгляд на наставника, но тот сидел с невозмутимым видом, словно всё шло по плану.

— Неужто этот котенок тоже сведущ в искусстве предсказаний?

— Твой младший брат превзошел меня в этом деле, — ответил Юйвэнь Му. — Даже мне есть чему у него поучиться.

— Вот как? — Гость заазартился. Он обратился ко мне: — Что ж, котенок, погадай тогда для своего старшего брата.

Я смерил его ледяным взглядом и процедил сквозь зубы:

— Если хочешь, чтобы тебе оказали услугу, имей совесть проявить хоть каплю искренности.

— И какой же искренности ты ждешь? Золота? Драгоценностей? Юных красавиц?

В его взгляде мелькнуло презрение, и я ответил ему тем же.

— К чему разговоры о "искренности", если у тебя даже не хватает смелости показать свое истинное лицо?

<http://bllate.org/book/17477/1692463>